

Николай Гавриловичъ Чернышевскій.

Статья Ф. В. Духовникова, съ предисловіемъ и примѣчаніями Александра Лебедева.

Г л а в а IV (IX).

педагогической дѣятельности Н. Г. Чернышевскаго въ Саратовской мужской гимназій сохранилось много свѣдѣній въ архивахъ этого заведенія и канцеляріи попечителя Казанскаго учебнаго округа, которыя дадутъ цѣнный матеріаль не только для біографіи этого писателя, но и для исторіи Саратовской мужской гимназій; кромѣ того, еще здравствуютъ два сослуживца Н. Г. по Саратовской гимназій, поступившіе на службу въ нее уже при Н. Г. Чернышевскомъ: педагогъ и писатель Е. А. Бѣловъ и юристъ А. М. Полиновскій ¹⁾, которымъ, вѣ всякаго сомнѣнія, памятна жизнь Н. Г. въ Саратовѣ и которые, какъ намъ извѣстно, уже написали свои воспоминанія о немъ, но мы все-таки считаемъ небезъинтереснымъ воспроизвести рассказы изъ учительской жизни Н. Г. въ Саратовѣ по памяти старожиловъ, его учениковъ.

Не новичкомъ въ дѣлѣ преподаванія былъ Н. Г. Выше мы видѣли, что онъ всегда отыскивалъ случая подѣлиться съ кѣмъ-нибудь своими познаніями и часто показывалъ и объяснялъ гимназистамъ уроки, поддѣлываясь подъ ихъ повиманіе; слѣдовательно, онъ могъ приобрѣсть нѣкоторую опытность въ преподаваніи, кромѣ того, уже владѣя энциклопедическими свѣдѣніями, онъ былъ знакомъ съ тео-

¹⁾ Членъ Кіевской Судебной Палаты. Е. А. Бѣловъ умеръ въ 1895 г.

рией обученія и воспитанія по иностраннымъ источникамъ. И дѣйствительно, онъ явился въ гимназію, по увѣренію его учениковъ, опытнымъ преподавателемъ.

Появленіе новаго учителя всегда возбуждаетъ любопытство учениковъ. Прійдя въ гимназію, Н. Г. прошелъ прямо въ учительскую комнату, находящуюся рядомъ съ 4-мъ классомъ, въ виду учениковъ, вышедшихъ изъ классныхъ комнатъ, чтобы посмотрѣть на новаго учителя. Его блѣдное лицо, тихій пискливый голосъ, близорукость, сильно бѣлокурые волосы, сутуловатость, большіе шаги и неловкія манеры,—вообще вся его наружность показалась ученикамъ очень смѣшною; почему они стали между собою подсмѣиваться надъ нимъ, благообразнаго же и симпатичнаго лица его съ открытымъ широкимъ лбомъ никто и не примѣтилъ ¹⁾).

Но первые же уроки Н. Г., очаровавшіе всѣхъ учениковъ, поразили ихъ своею новизною и необычайностью.

Гимназисты увидѣли, что новый учитель въ своемъ преподаваніи не похожъ на другихъ, все онъ дѣлаетъ по-своему, чего они до сихъ поръ не видѣли и не слышали. Онъ не садится на учительское мѣсто, а ставитъ стулъ около учениковъ, объ учебникѣ Кошанскаго, который всѣмъ опротивѣлъ, даже и не упомянулъ. Въмѣсто него онъ сталъ читать ученикамъ произведенія нашихъ классиковъ: Жуковскаго, Лермонтова, Пушкина и др., о которыхъ гимназисты совершенно не имѣли понятія, и критически разбирать ихъ, и такимъ образомъ, открылъ своимъ юнымъ слушателямъ сокровищницу, изъ которой они могли бы черпать свое образованіе и развитіе. Все это заставляло забыть его внѣшность, плохія манеры и пискливый голосъ: юношей увлекали его новыя для нихъ мысли.

Съ поступленіемъ его въ учителя, бессмысленное зубреніе уроковъ словесности прекратилось и данъ былъ ходъ живому слову и мышленію. Но что въ особенности насъ поразило,—разсказываетъ одинъ изъ учениковъ Чернышевскаго,—то это его живая понятная намъ рѣчь и затѣмъ его уваженіе къ нашей личности, которая подвергалась всевозможнымъ униженіямъ со стороны нашего начальства и учителей. Мы не понимали и не могли даже представить подобнаго отношенія учителя къ ученикамъ, почему мы стѣснялись и даже дичились новаго учителя; не могли говорить и отвѣчать на его вопросы, какъ слѣдуетъ, и только-что начали было

¹⁾ Для сравненія описанія наружности Чернышевскаго см. „Русскую Старину“ 1889 г. ноябрь и автобіографію Костомарова. „Русская Мысль“ 1885 г. книга VI, стр. 24. См. также въ „Русской Старинѣ“ 1889 ст. *Н. Г. Чернышевскій* прот. А. И. Розанова.

освоиваться съ его приѣмами преподаванія, какъ окончили курсъ. Слѣдующіе за нами ученики были счастливѣе насъ въ этомъ отношеніи ¹⁾).

Его преподаваніе словесности было своеобразное и не обычное. При обученіи онъ держался сократической методы.

Онъ бесѣдовалъ съ учениками, какъ равный съ равными, навелъ ихъ вопросами на возраженія и опроверженія, и доводилъ ихъ до пониманія урока; кромѣ того, въ классѣ онъ читалъ, или рассказывалъ, или указывалъ недостатки ученическихъ сочиненій, въ обсужденіи которыхъ принимали участіе всѣ ученики. Онъ умѣлъ упростить преподаваніе настолько, что даже трудные предметы ставились у него темою для бесѣдъ съ учениками и были имъ понятны.

Уроки его, кромѣ того, отличались особенною полнотою.

Въ учебникѣ теоріи словесности Кошанскаго былъ параграфъ о наукахъ и ихъ раздѣленіи. Другой преподаватель ограничился бы перечисленіемъ ихъ и раздѣленіемъ, но Н. Г. не удовольствовался этимъ: онъ далъ понятіе о всѣхъ наукахъ, входящихъ въ гимназическій курсъ; кромѣ того, онъ говорилъ о способѣ ихъ изученія и ихъ относительной важности. Случаи, гдѣ приходилось давать вводныя объясненія по другимъ наукамъ, бывали часты, тѣмъ болѣе, что онѣ проходились плохо, и ученики не знали ихъ. Особенно много объяснялъ онъ по исторіи. Такъ какъ преподаваніе словесности тѣсно связано съ исторіею, то Н. Г., зная невѣжество учениковъ въ этомъ предметѣ, принужденъ былъ для объясненія какого-либо литературнаго памятника излагать историческіе факты и освѣщать ихъ. Вообще, онъ указалъ гимназистамъ путь къ самообразованію и поселилъ въ нихъ охоту и стремленіе къ усовершенствованію. Уроки его проходили очень оживленно; всѣ слушали его со вниманіемъ; даже шалуны и рѣзвые мальчики, нарушавшіе занятія у другихъ учителей, на урокахъ Н. Г. сидѣли смирно. Нарушеніе тишины въ классѣ у него было исключительнымъ случаемъ, о которомъ и теперь помнятъ; его уроки были для всѣхъ интересны; кромѣ того онъ умѣлъ однимъ мѣткимъ замѣчаніемъ усмирить и осадить самаго рѣзваго шалуна. На виду всѣхъ учениковъ гимназистъ Егоровъ, сынъ совѣтника Палаты Государственныхъ Имуществъ, бросилъ въ своего товарища комкомъ бумажки, будучи увѣренъ, что Н. Г. не замѣтитъ, но ошибся въ своемъ предположеніи. Николай Гавриловичъ ловко усмирилъ его. „Что вы, Егоровъ, бросаете бумажками?“ сказалъ Н. Г. „Я на вашемъ мѣстѣ пустилъ бы въ него камнемъ.“

¹⁾ Рассказчикъ кончилъ курсъ въ Саратовской гимназій въ 1851 г.

Да-съ. А вы какъ думаете?“ Мальчикъ очень сконфузился, и съ тѣхъ поръ при Н. Г. не рѣшался шалить въ классѣ.

Шалости, которыя продѣлывали ученики въ классѣ другихъ учителей, у Н. Г. не имѣли уже цѣли. Быть учениковъ того времени былъ отличный отъ настоящаго; точно также и понятія учениковъ объ отношеніяхъ ихъ къ учителямъ были совершенно иныя. Учитель и ученики обыкновенно представляли изъ себя два враждебные лагеря, которые старались, сами не сознавая того, сдѣлать что-либо непріятное другъ другу или поднять на смѣхъ другъ друга. Бросать въ классѣ бумажками и продѣлывать другія подобныя шалости въ присутствіи учителей былъ страшный рискъ: можно поплатиться за это, смотря по расположенію учителя, и даже подвергнуться болѣе или менѣе тяжелому наказанію, поэтому бросаніе предметовъ въ присутствіи учителей считалось признакомъ ухарства и храбрости, которыми обыкновенно ученики щеголяли. Они ради этого терпѣли побои, порку и другія наказанія. Но Н. Г. не видѣлъ въ подобномъ дѣйствіи учениковъ никакого преступленія и не придавалъ никакого значенія подобнымъ фактамъ, поэтому, и самая шалость въ глазахъ учениковъ уже не имѣла смысла, и отъ учениковъ подобный шалунъ, какъ нарушитель тишины, мѣшавшій слушать интересныя для нихъ объясненія учителя, заслуживалъ только презрѣнія и названія невѣжи. Вотъ почему на урокахъ Н. Г. ученики не дѣлали никакихъ шалостей, которыя съ особеннымъ удовольствіемъ производили они при другихъ учителяхъ. Другой случай нарушенія классной дисциплины на урокъ Н. Г. произошелъ въ IV классѣ, и это тоже былъ тамъ единственный случай. Ученикъ Пасхаловъ ¹⁾ предъ урокомъ Н. Г. досталъ гдѣ-то книгу: „Иллюстрированная жизнь животныхъ Гранвиля“, зоологическіе каррикатурные рисунки которой такъ заинтересовали его, что онъ рассматривалъ ее и при Н. Г. Художественная жилка сказались въ немъ: онъ забылъ все окружавшее и потому переворачивалъ съ шумомъ листы книги и смѣялся. Обыкновенно въ классѣ при Н. Г. бывало такъ тихо, что даже малѣйшее движеніе уже было замѣтно и нарушало классную дисциплину, поэтому шелестъ листовъ и смѣхъ Пасхалова мѣшали занятіямъ, невольно заставляя другихъ оборачиваться и смотрѣть на него. Н. Г. раза два попросилъ Пасхалова не мѣшать занятіямъ; но тотъ, увлеченный болѣе рисунками, чѣмъ объясненіями учителя, продол-

¹⁾ Викторъ Никандровичъ Пасхаловъ, извѣстный композиторъ (р. 18 апр. 1840 года, умеръ 1 марта 1871 г. въ Казани). Замѣчательны его романсы: „Дитяtko, милость Господня съ тобою“, „Что, моя милая, что моя пѣжная“, „Подъ душистою вѣтвью сирени“.

жалъ попрежнему смѣяться и шелестить листами, что вызвало даже неудовольствіе на лицахъ многихъ учениковъ.

Другой учитель на мѣстѣ Н. Г. безъ всякихъ разговоровъ наказалъ бы ученика за подобный поступокъ, или поставилъ бы на колѣни, или въ уголь, или оставилъ бы ученика безъ обѣда, или оттрепалъ бы его за уши; но Н. Г. въ продолженіе всей учительской службы никогда никого не наказывалъ, и это былъ единственный случай, когда онъ былъ вынужденъ сдѣлать ученику замѣчаніе. „Мы два раза замѣчали вамъ“, обратился онъ къ Пасхалову, отъ лица всѣхъ учениковъ, „что бы вы не мѣшали нашей бесѣдѣ, но вы не обратили на это никакого вниманія. Мы теперь вынуждены и имѣемъ право просить васъ, чтобы вы не беспокоили насъ, уйти изъ класса, и дѣлать то, что вы желаете, если наша бесѣда вамъ не нравится“.

Не довольствуясь классными занятіями, Н. Г. приглашалъ изрѣдка учениковъ старшихъ классовъ къ себѣ на квартиру, въ домѣ отца, гдѣ совмѣстно съ знаменитымъ впослѣдствіи историкомъ Н. И. Костомаровымъ ¹⁾, развивалъ путемъ чтенія и бесѣдъ съ ними. Съ этою цѣлью Н. Г. часто давалъ ученикамъ на домъ читать книги, которыхъ у него было много, или сами ученики просили его объ этомъ, послѣ класса, когда чтеніе какой-либо книги увлекало ихъ; при чемъ, иногда выходили комическія сцены. Разъ по окончаніи урока одинъ изъ его учениковъ сталъ просить его дать ему ту книгу, по которой Н. Г. читалъ имъ въ классѣ „Вы не поймете ее“, сказалъ Н. Г.—„Отчего же не понять?“ возразилъ ученикъ. Въмѣсто отвѣта Н. Г. подалъ ученику книгу на англійскомъ языкѣ, по которой онъ читалъ въ классѣ совершенно свободно, какъ русскую. Сконфуженный ученикъ, при хохотѣ товарищей, отошелъ отъ Н. Г. Особенно памяты были для учениковъ литературныя бесѣды, которыя велись въ гимназіи каждый мѣсяцъ по вечерамъ ²⁾!

Г л а в а V (X).

На Саратовскомъ Воскресенскомъ кладбищѣ, около церкви, по правую ея сторону, находится памятникъ, который состоитъ изъ скалы, увѣнчанной крестомъ съ якоремъ и сердцемъ, символами вѣры, надежды и любви. На лицевой сторонѣ сердца надписъ золотыми буквами гласитъ:

¹⁾ Первоначально было добавлено: *котораго одолевала скука и тоска.* (Тогда Костомаровъ жилъ въ Саратовѣ, какъ ссыльный). А. Л.

²⁾ О Чернышевскомъ, какъ педагогѣ, рассказываетъ и Вороновъ въ книгѣ „Болото“.

„Здѣсь покоится прахъ статскаго совѣтника Любима Петровича Круглова, директора училищъ Саратовской губерніи, скончавшагося 24 августа 1847 г. на 38 г. отъ рожденія. Онъ оставилъ послѣ себя жену и пятерыхъ дѣтей“¹⁾. На противоположной сторонѣ читаемъ: „Отъ любимыхъ любимому благородному начальнику“. Кругловъ, симпатичный и гуманный директоръ, запечатлѣлъ добрую и хорошую память о себѣ въ сердцахъ своихъ учениковъ, теперь очень почтенныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ государственной службы; онъ и въ жизни руководствовался, по словамъ А. Г. Ровинскаго, доставившаго намъ свѣдѣнія объ этомъ почтенномъ дѣятелѣ, тѣми принципами, символы которыхъ сочли нужнымъ поставить на памятникъ учителя его сослуживцы вмѣстѣ съ учениками. Это былъ единственный директоръ Саратовской гимназіи дореформеннаго времени, который пользовался такою большою любовью со стороны учителей и учениковъ.

Учителей онъ заставлялъ заниматься не силою своей власти, а дружескимъ обращеніемъ съ ними и своимъ примѣромъ. Какъ нарочно его время совпало со многими нововведеніями въ гимназіи: очень плохіе учебники смѣнились сравнительно, лучшими, гимназія приобрѣла много учебныхъ пособій: географическихъ ландъ-картъ, физическихъ приборовъ и пр. Пансіонъ при гимназіи, благодаря Круглову, былъ въ хорошемъ состояніи. Хотя пища была простая, такъ какъ отпускалось на человѣка по 10 коп., но сытная; на завтракъ подавался сбитень или молоко, на обѣдъ три блюда, а на ужинъ—два. Старшіе ученики обыкновенно наблюдали за провизіею и доносили ему рапортомъ. Къ невиннымъ шалостямъ гимназистовъ онъ относился снисходительно, но дурные поступки учениковъ онъ строго преслѣдовалъ и каралъ черезъ инспектора Ивана Антоновича Ганусовича²⁾, который хотя и добрый и знающій былъ человѣкъ, такъ что ученики всегда имѣли доступъ къ нему для объясненія уроковъ и для своихъ надобностей, но съ большимъ удовольствіемъ поролъ учениковъ, при чемъ даже проявлялъ жестокость, такъ что былъ переведенъ за это въ другой городъ. Представляя во всемъ противоположность своему предшественнику, Гине, Кругловъ проявлялъ педагогическій тактъ, которымъ природа надѣлила его щедро;

¹⁾ Кругловъ, желая избѣжать холерной эпидеміи, бывшей въ 1847 г., жилъ отдѣльно отъ семейства въ классной комнатѣ, куда подавалась ему въ форточку пища. Несмотря на эти и другія предосторожности, холера сразила его, сильнаго, здороваго (послѣдніе два слова зачеркнуты. А. Л.).

²⁾ Ганусовичъ, по выходѣ въ отставку, поселился въ Саратовѣ, былъ постояннымъ посѣтителемъ дворянскаго собранія, гдѣ даже и умеръ, чуть ли не за карточнымъ столомъ.

почему все, что вводилось въ гимназіи хорошаго, даже по распоряженію начальства, ученики приписывали своему любимому начальнику. Начало литературныхъ вечеровъ въ Саратовской гимназіи, по увѣренію его учениковъ, тоже совпадаетъ съ директорствомъ Круглова и отнесено учениками къ его почину, хотя, какъ извѣстно, они введены были по распоряженію начальства. Живою, подвижною, умною, образованною, Кругловъ принималъ самое дѣятельное участіе въ литературныхъ бесѣдахъ: однихъ учениковъ онъ подзадоривалъ на возраженія, другихъ поддерживалъ въ спорахъ, третьихъ хвалилъ, четвертыхъ наводилъ на вопросы и возраженія. Въ учителѣ, Ѳедорѣ Павловичѣ Волковѣ, онъ нашелъ себѣ дѣятельнаго помощника. „Волковъ“, по словамъ А. Г. Тихменева ¹⁾, „пріохочивалъ учениковъ къ письменнымъ упражненіямъ. Съ какимъ ѣдкимъ, но вмѣстѣ снисходительнымъ, остроуміемъ, съ какимъ тактомъ поражалъ онъ недостатки этихъ упражненій!“ Замѣститель Круглова, директоръ Валерьянъ Александровичъ Лубкинъ, былъ ничтожнѣйшая личность, запятнавшая себя взятками, которыя онъ бралъ черезъ штатнаго смотрителя Саратовскаго уѣзднаго училища, Василя Ивановича Коршунова. Онъ мало обращалъ вниманія на учебное дѣло и литературныя бесѣды при немъ шли вяло; онъ и къ нимъ относился безучастно, даже не слушалъ, что говорили ученики. Но, при всемъ томъ, съ самаго начала литературныхъ бесѣдъ дѣло ихъ даже при Кругловѣ было поставлено на ложную дорогу: темы для сочиненій давались ²⁾ философскаго содержанія и вообще были отвлеченныя, на что указывали учебники того времени, почему не всѣ ученики могли принимать участіе въ этихъ бесѣдахъ, а равно и писать сочиненія; кромѣ того учителя, инспектора и директора во время бесѣдъ большею частію были, за исключеніемъ Круглова, не руководителями ихъ, а тѣми же грозными начальниками, какими они были всегда по отношенію къ ученикамъ.

Правильная постановка дѣла литературныхъ бесѣдъ въ Саратовской гимназіи принадлежитъ, по увѣренію его учениковъ, Н. Г., которому изъ - за нихъ пришлось выдержать съ директоромъ Мейеромъ, смѣнившимъ Лубкина, переведеннаго въ 1851 г. въ Пензу, споръ, окончившійся пораженіемъ Мейера. Н. Г. настоялъ на томъ, чтобы темы для сочиненій были доступны для учениковъ, и чтобы ученики во время бесѣдъ были на равныхъ отношеніяхъ къ начальству и учителямъ, и тогда характеръ литературныхъ бесѣдъ принялъ другое направленіе, полезное для дѣла. Гимназисты VI и

¹⁾ Сочиненія Э. И. Губера, т. III, стр. 240.

²⁾ Здѣсь было прибавлено, но потомъ зачеркнуто: *богословскаго и... А. Л.*

VII класса, которые принимали участіе въ бесѣдахъ, по долгу трудились надъ этими сочиненіями: они рылись въ библіотекахъ, отыскивая книги, касавшіяся темы сочиненія, и должны были перечитывать много книгъ, что способствовало самодѣтельности учениковъ. Какъ много работали ученики, можно заключить даже изъ объема сочиненій; нѣкоторые писали сочиненія листахъ на 14 и болѣе. Трое гимназистовъ были оппонентами по назначенію учителя, а другіе трое, вмѣстѣ съ авторомъ сочиненія, защищали его. Остальные гимназисты, учителя и начальство могли дѣлать возраженія, которыя, вмѣстѣ съ отвѣтами, записывались секретаремъ на сочиненіяхъ. Ученики сами выбирали секретаря, которымъ большею частію бывалъ Ломтевъ, очень мягкій и симпатичный учитель, почти идеальной честности. Всѣ сочиненія вмѣстѣ съ возраженіями и отвѣтами на нихъ, записанными на поляхъ секретаремъ или преподавателемъ, отсылались къ попечителю Казанскаго учебнаго округа, военному генералу Молоствову ¹⁾.

VI (XI).

Нравился Николай Гавриловичъ Чернышевскій ученикамъ своимъ въ Саратовской гимназій и тѣмъ, что не спрашивалъ уроковъ; о познаніяхъ учениковъ онъ судилъ по разговорамъ и по бесѣдамъ съ ними, а также по сочиненіямъ, возраженіямъ и спорамъ, которые бывали въ классѣ. При его преподаваніи не было закоренѣлыхъ лѣнтяевъ, не желавшихъ заниматься, какъ бывало у другихъ учителей, такъ что онъ всѣмъ ученикамъ ставилъ хорошія отмѣтки: 3, 4 и 5.

Учебники теоріи, словесности и исторіи литературы были оставлены въ сторонѣ. Дѣлая теоретическіе выводы изъ разбора отечественныхъ писателей, Н. Г. не считалъ нужнымъ задавать уроки по учебникамъ, которые были недоступны по своей отвлеченности для гимназистовъ. Пересказывать ихъ своими словами было нельзя: ихъ дѣйствительно нужно было „зубрить“, безъ всякаго пониманія, что даже замѣтно было по отвѣтамъ учениковъ, которые произносили свои уроки совершенно однообразнымъ голосомъ, безъ малѣйшаго выраженія. Вѣроятно, многіе помнятъ исторію Устрялова, написанную отвлеченною періодическою рѣчью. Фразы: „одна кобылица родила зайца“, „одна дѣвочка родилась смѣхомъ“, находившіяся въ учебникѣ греческаго языка, поражаютъ своею бессмысленностію. Учебники словесности тоже были наполнены примѣрами, надъ ко-

¹⁾ О литературныхъ бесѣдахъ говоритъ и Вороновъ.

торами глумились ученики, въ родѣ такихъ: „Се росска Флакка зракъ“.

„Се тотъ, кто, какъ и онъ“.

„Въ высь быстро, какъ птицъ царь, порхъ вверхъ на Геликонъ“.

Вотъ почему Н. Г. не напоминалъ ученикамъ объ учебникахъ. „Учебникъ нуженъ только для экзаменовъ“, говорилъ онъ, „а къ каждому уроку незачѣмъ зубрить его: лучше читайте побольше книгъ“. И ученики читали. Старая дореформенная школа, подвергающаяся теперь порицанію, имѣла и свои хорошія стороны. Такъ, тогда ученикъ не былъ заваленъ уроками, которые онъ училъ предъ классами, во время перемѣнъ, особенно если былъ съ хорошими способностями, все же внѣклассное время онъ, оставаясь безъ училищнаго надзора, могъ проводить по своему усмотрѣнію¹⁾. Такимъ образомъ самодѣтельности ученика открывался большой просторъ, и потому отъ него зависѣло, какъ воспользоваться своимъ досугомъ. Выше было сказано, что Н. Г. пріохотилъ учениковъ къ чтенію, на чтѣ они употребляли свободное время, при чемъ онъ руководилъ ихъ выборомъ книгъ и объяснялъ имъ прочитанное. А такъ какъ у учениковъ было много свободнаго времени, то они читали очень много. Черезъ разумное чтеніе, подъ руководствомъ Н. Г., ученики усвоили больше, чѣмъ по устарѣлымъ учебникамъ, а главное — сознательно. Въ Казанскомъ университетѣ на пріемныхъ экзаменахъ саратовскіе гимназисты по своимъ познаніямъ считались лучшими, въ особенности они хорошо составляли сочиненія. Профессоръ Казанскаго университета, экзаменовавшій учениковъ Саратовской гимназіи по словесности, на пріемныхъ экзаменахъ обыкновенно говорилъ: „О вашихъ познаніяхъ свидѣтельствуется уже то, что вы — ученики Чернышевскаго“.

За все это ученики и уважали, и любили Н. Г. Какимъ обаяніемъ учащихся пользовался Н. Г., видно изъ того, что многіе бывшіе его ученики всю жизнь гордились тѣмъ, что учились у него. „Кто былъ ученикомъ Н. Г. въ Саратовской гимназіи, тому незачѣмъ поступать въ университетъ, гдѣ даже не услышишь и не узнаешь того, о чемъ Н. Г. подробно говорилъ“, увѣряли многіе его ученики, — до такой степени они восторженно преувеличивали его значеніе въ ихъ умственной жизни. Несравненно полнѣе дѣлаетъ оцѣнку педагогической дѣятельности ученикъ Н. Г. Виссаріонъ

¹⁾ *Здѣсь дальше зачеркнуто:* Захарьинъ, ученикъ Саратовской гимназіи, извѣстный московскій врачъ, не имѣя возможности по своей бѣдности пріобрѣтать учебниковъ, никогда не готовилъ дома уроковъ, употребляя свободное время на чтеніе, и несмотря на это, онъ былъ первымъ ученикомъ во всѣхъ классахъ, за чтѣ получалъ награды. А. Л.

Ивановичъ Дурасовъ. „Среди смѣшного и дурного въ бытность мою въ гимназіи было хорошее и свѣтлое“, говоритъ Дурасовъ въ той же вышеупомянутой статьѣ; „въ послѣдніе годы моего пребыванія въ заведеніи, это хорошее и свѣтлое тѣсно связано съ воспоминаніями объ одномъ изъ учителей ¹⁾, имѣвшемъ громадное и благотворное вліяніе на умственное и нравственное развитіе своихъ учениковъ. Достаточно указать на одинъ выдающійся фактъ. Прежде Саратовская гимназія давала университетамъ изъ 15 — 17 учениковъ, оканчивавшихъ курсъ, много трехъ, четырехъ студентовъ, а въ 1853 г., когда я окончилъ курсъ въ гимназіи, изъ того же числа выпущенныхъ гимназистовъ ихъ сразу 10 человекъ отправилось въ университеты, и надобно замѣтить,—что это было въ пору безразсвѣтнаго мрака, окутывавшаго русскую общественную жизнь; насъ влекло въ университеты не стремленіе къ рублю и къ карьерѣ, стремленіе, преобладающее въ теперешнемъ молодомъ поколѣніи, а стремленіе болѣе идеальное и возвышенное“.

VII (XII).

Изъ всего сказаннаго видно, что Н. Г. представлялъ противоположность всему строю тогдашняго воспитанія и обученія, и потому долженъ былъ поневолѣ встать въ разладъ со всѣми установившимися обычаями и привычками. Это - то и должно было поселить къ нему во многихъ неудовольствіе и даже вражду. Особенно недоволенъ былъ имъ директоръ гимназіи, Алексѣй Андреевичъ Мейеръ ²⁾. Это былъ сухой, безсердечный холостякъ; типичный представитель николаевскихъ временъ. Будучи проникнутъ имъ до мозга костей, онъ ничего не требовалъ отъ учителей и учениковъ, кромѣ соблюденія формальной стороны дѣла ³⁾, педагогическихъ же вопросовъ онъ не касался. Если кто-нибудь и

¹⁾ Н. Г. Чернышевскій.

²⁾ О Мейерѣ см. 1) Дневникъ А. В. Никитенко. „Рус. Старина“, 1890 г. май, стр. 278. 2) Воспоминанія педагога, М. А. Лакомте, журналъ „Гимназія“, 1889 г. № 1, стр. 14 и 15 и № 8, стр. 346, 347 и 348. 3) Саратовъ въ былое время. „Саратовскій Дневникъ“, 1888 г. №№ 202 и 204. 4) Вороновъ, М. Болото. Картины петербургской, московской и провинціальной жизни. СПб. 1870 г., стр. 110—113. Въ послѣднихъ двухъ статьяхъ изображается Саратовская гимназія въ періодъ педагогической дѣятельности Н. Г. Чернышевскаго въ Саратовѣ.

³⁾ До какой пустой формальности доходилъ Мейеръ, видно даже изъ того, что онъ требовалъ, чтобы въ прошеніяхъ, подаваемыхъ на его имя гимназистами, послѣ словъ: „директору училищъ“ непременно было бы написано: „и кавалеру“; прошеній безъ послѣднихъ словъ Мейеръ не принималъ.

заводилъ рѣчь относительно педагогическаго дѣла, то Мейеръ или уходилъ, или отдѣлывался общими фразами.

Отношенія его къ ученикамъ ограничивались только выговорами и замѣчаніями за самую ничтожную вещь. Безъ замѣчаній онъ, какъ человекъ желчный и раздражительный, почти не проходилъ мимо учениковъ. Всякая неисправность во внѣшности учениковъ, въ родѣ длинныхъ волосъ, приводила его въ изступленіе. „На барабанѣ велю остричь волосы, если ты не острижешь ихъ къ завтрашнему дню“, кричалъ онъ на ученика, при чемъ называлъ его „прогрессистомъ“ и каналією. Наблюдая за учениками и учителями, которые часто манкировали своими обязанностями, Мейеръ относился одинаково къ тѣмъ и другимъ: свысока, по-начальнически; чуждался общества учителей и не велъ съ ними знакомства, считая это за униженіе собственнаго достоинства, даже въ карты въ клубѣ или гостяхъ игралъ съ особами не ниже статскаго совѣтника, какимъ чиномъ наградила его судьба. Каждый день онъ появлялся въ гимназію и требовалъ, чтобы учителя своевременно уходили на классныя занятія; появлялся на нѣсколько минутъ на урокъ къ преподавателямъ и спрашивалъ учениковъ, которымъ задавалъ вопросы, иногда не относившіеся къ уроку и даже предмету. Чаше всего онъ заходилъ на уроки къ тѣмъ учителямъ, которыми былъ чѣмъ-нибудь недоволенъ. Посѣщенія Мейера, дѣйствительно, приносили пользу тому классу, гдѣ учителя, какъ бывало тогда, ничего не дѣлали, или послѣ безсонной ночи, проведенной въ игрѣ въ карты съ выпивкой, дремали или спали въ классѣ, или занимались чтеніемъ газетъ или книгъ, предоставляя ученикамъ дѣлать то, что хотѣли, или же вели бесѣды на темы, вовсе не относившіеся къ учебному дѣлу. Директору Мейеру до сихъ поръ приходилось, большею частію, вести дѣло обученія именно съ подобными педагогами, изъ которыхъ многіе были даже уволены за это. Онъ и привыкъ повсюду видѣть имъ подобныхъ. Ревизіи, которыя онъ производилъ, какъ директоръ училищъ, въ уѣздныхъ училищахъ, тоже бывали съ тою цѣлью, чтобы поймать пьяныхъ учителей, уличить въ пьянствѣ и распечь ихъ, какъ слѣдуетъ; но онъ не считалъ нужнымъ доносить о беспорядкахъ начальству и даже заступался передъ нимъ за учителей. Разъ попечителю Казанскаго учебнаго округа прислано было анонимное письмо, въ которомъ были описаны похождения саратовскихъ педагоговъ, какъ истыхъ пьяницъ, о чемъ попечитель сказалъ Мейеру. На это онъ съ гордостью отвѣтилъ: „У меня пьяницъ нѣтъ, но есть люди пьющіе, какъ и вездѣ“. Хотя составъ учителей при Н. Г. измѣнился много къ лучшему, но большинство изъ нихъ вело и держало себя съ

учениками подобно прежнимъ учителямъ. Какъ смотрѣли на гимназію сами ученики, можно нѣсколько судить по слѣдующей пѣсенкѣ, которую они часто распѣвали.

Скоро ль настанетъ время
Сказать гимназіи: прощай!..
И скоро ль настанетъ время,
Когда мы увидимъ рай?
Ужъ намъ наскучили петлицы,
Галунъ, фуражки и мундиръ,
И всѣ учительскія лица,
И нашъ директоръ командиръ.

Эта пѣсенка приходилась имъ по душѣ; они выражали въ ней свое неудовольствіе на то учебное заведеніе, которое ихъ воспитывало. Въ то еще недалекое отъ насъ время воспитатели и учителя юношества не были знакомы съ основными понятіями педагогики и не были проникнуты ни чувствомъ собственного достоинства, ни чувствомъ долга; поэтому, на глазахъ учениковъ продѣлывали то, что оскорбляло и унижало молодое сердце.

Для учителей, честно относившихся къ своимъ обязанностямъ, посѣщенія Мейера были совершенно бесполезны; онъ только отрывалъ учителей отъ дѣла, и какъ человѣкъ, мало свѣдущій въ педагогикѣ, не могъ подать совѣта молодымъ учителямъ и вообще не оказывалъ никакого вліянія на улучшеніе преподаванія; кромѣ того, и учителя, и ученики презирали его.

Директору Мейеру не могъ нравиться Н. Г., который, какъ мы видѣли, не спрашивалъ уроковъ, не ставилъ ученикамъ балловъ въ журналѣ и, вообще, пренебрегалъ формальной стороной дѣла. Въ особенности раздражало и приводило въ бѣшенство Мейера то, что Н. Г. иронически относился не только къ гимназическимъ порядкамъ, но и ко многимъ явленіямъ русской жизни. Педагогическое поприще для Н. Г. было слишкомъ мало и узко, не въ такой дѣятельности нуждалась его натура, полная силъ и съ огромными знаніями. Его тянуло къ себѣ Петербургъ, гдѣ онъ могъ бы развернуть свои силы вполнѣ. Онъ и смотрѣлъ на учительское занятіе какъ на временное, за которое онъ взялся въ угожденіе своимъ родителямъ, которыхъ онъ искренно любилъ. Но будущій публицистъ, рьяный, восторженный, съ злою эпиграммою, сказался въ немъ и въ гимназіи; онъ, какъ выражались тогда, развивалъ учениковъ и подготовлялъ ихъ къ болѣе широкому пониманію вопросовъ. При прохожденіи словесности, особенно при чтеніи писателей, онъ касался мимоходомъ и тѣхъ язвъ, которыя разъѣдали тогда

русское общество и которыя были исцѣлены въ царствованіе царя-Мученика. Крѣпостное право, судъ, воспитаніе ¹⁾, политическія ²⁾ науки и т. п. темы, о которыхъ было запрещено разсуждать даже въ печати, были предметами бесѣдъ его съ учениками не только въ классѣ, но и внѣ его: вездѣ, при каждомъ удобномъ случаѣ, онъ вступалъ съ учениками въ разговоръ и высказывалъ имъ свои новые взгляды на предметы. Безпрепятственно онъ заинтересовывалъ учениковъ новыми идеями; иногда даже при Мейерѣ, котораго онъ глубоко презиралъ, не стѣснялся высказывать свои взгляды.

Директоръ Мейеръ нескоро узналъ, что у него въ гимназiи дѣлается не то, чего онъ хотѣлъ; затѣмъ онъ увидѣлъ, что Н. Г. его дурачить, и что онъ шелъ въ разрѣзъ со всѣми его взглядами, и ученики тоже замѣчали, что между ними происходитъ затаенная борьба. Въ первые же мѣсяцы Мейеръ узналъ, что Н. Г. не всегда ставитъ отмѣтки въ журналѣ, или, если и ставитъ, то не чернилами, а карандашомъ.

„Что это Чернышевскій допускаетъ какую вольность? Онъ въ журналѣ отмѣтки ставитъ карандашомъ. Велите ученикамъ подавать ему чернила“, говорилъ Мейеръ инспектору въ корридорѣ при ученикахъ. Когда же инспекторъ потребовалъ отъ Н. Г., чтобы онъ писалъ отмѣтки чернилами, то онъ на это отвѣчалъ: „отъ этого знанія учениковъ не прибавятся“.

Станнымъ показалось Мейеру, на первыхъ порахъ, и то, что, несмотря на его требованіе, чтобы Н. Г. подписался подъ свидѣтельствомъ о состояніи суммъ гимназической кассы, онъ не хотѣлъ этого сдѣлать: Н. Г. зналъ всю исторію о растратѣ суммъ Гине, о чемъ было сказано выше, а также то, какъ учителя поплатились за это, почему и не хотѣлъ угодить въ подобную же исторію. Гимназисты стали замѣчать, что Мейеръ не только часто заглядывалъ въ дверное классное окошко, чтобы посмотрѣть, что дѣлается въ классѣ, но и заходитъ въ классъ къ Н. Г., спрашиваетъ учениковъ, дѣлаетъ имъ замѣчанія и даже кричитъ на нихъ. Н. Г. дорожилъ каждою минутою, чтобы побесѣдовать съ учениками и передать имъ какія-либо свѣдѣнія; поэтому можно себя представить, какъ возмущали его безцѣльныя посѣщенія Мейера, прерывавшія только занятія: въ особенности онъ никакъ не могъ помириться съ тѣмъ, что Мейеръ въ его присутствіи унижалъ и оскорблялъ учениковъ, и Н. Г., какъ замѣтили ученики, сталъ противодѣйствовать

¹⁾ *Здѣсь было добавлено, религія А. Л.*

²⁾ *Было добавлено, и естественныя А. Л.*

этимъ посѣщеніямъ: онъ давалъ чувствовать, какъ неприятны ему они. Войдетъ, бывало, Мейеръ въ классъ; а Н. Г. рассказываетъ о чемъ-нибудь. „Спросите учениковъ урокъ“, скажетъ Мейеръ.— „Я еще не кончилъ своихъ объясненій. Позвольте прежде окончить ихъ, и тогда я спрошу урокъ ученика по вашему выбору“, скажетъ Н. Г. Но Мейеръ, недовольный такимъ отвѣтомъ, повернется, не сказавъ ни слова, и уйдетъ изъ класса. Привыкнувъ видѣть, какъ другіе учителя безпрекословно исполняли каждое желаніе Мейера, ученики сочли такой отвѣтъ Н. Г. уже противодѣйствіемъ Мейеру. Иногда Н. Г. при входѣ Мейера въ классъ вовсе прекращалъ занятія. „Что вы дѣлаете?“—спроситъ онъ Н. Г. „Продолжайте ваши объясненія“.—„Не могу, утомился“, отвѣтитъ онъ: „да и ученики тоже устали: нужно и имъ дать отдыхъ“.—Выслушавъ это, Мейеръ уходилъ.

Чаще же всего Н. Г., при входѣ Мейера, прерывалъ объясненія и спрашивалъ учениковъ, или начиналъ рѣчь о другомъ. Прибѣгалъ Н. Г. и къ другимъ приемамъ, чтобы поскорѣе заставить Мейера уйти изъ класса. Мейеру нельзя было смѣяться и хохотать безъ боли, у него вставлена была въ носу пластинка. Когда же Мейеръ входилъ въ классъ, Н. Г. примется рассказывать что-нибудь смѣшное, что возбуждало въ ученикахъ смѣхъ, а Мейера заставляло уходить изъ класса.

Большое столкновеніе съ Мейеромъ у Н. Г. произошло на экзаменѣ. „Тяжело было сидѣть съ директоромъ Мейеромъ на экзаменахъ: неумѣстными и невѣрно поставленными вопросами онъ часто сбивалъ ученика и безъ того слабого въ своихъ познаніяхъ“, говоритъ М. А. Лакомте, авторъ статьи: „Воспоминанія педагога“, журналъ „Гимназія“ 1889 г. Кромѣ того, недовольство учителемъ у Мейера отражалось на ученикахъ, къ которымъ онъ тогда особенно придирался.

Также держалъ себя Мейеръ и на экзаменѣ словесности при Н. Г., который просилъ даже посредничества учителя, присутствовавшего на экзаменѣ, по поводу несогласія въ отмѣткахъ ученикамъ; но товарищъ Н. Г., при всемъ своемъ желаніи порѣшить споръ, промолчалъ, изъ опасенія навлечь на себя гнѣвъ директора, имѣвшаго привычку мстить, о чемъ всѣ учителя знали; кромѣ того директоръ былъ незнакомъ съ новѣйшими приемами преподаванія, такъ что Н. Г. приходилось не соглашаться во многомъ съ Мейеромъ и объяснять ему.

Особенно Н. Г. настаивалъ на томъ, чтобы одному ученику поставлена была на экзаменѣ хорошая отмѣтка, а не дурная, какъ хотѣлъ Мейеръ. Н. Г. имѣлъ, какъ извѣстно, сильный характеръ:

онъ умѣлъ владѣть собою и потому держалъ себя ровно, спокойно и невозмутимо. Вотъ какъ говорить объ этой чертѣ характера Чернышевскаго Н. А. Добролюбовъ въ письмѣ къ своему товарищу Бордюгову въ 1859 г.

„Читай, читай и читай пятый томъ „Исторической Библиотеки“, недавно вышедшей: тамъ Шлоссеръ рассказываетъ о французской революціи. Это—блаженство читать его рассказъ. Я ничего подобнаго не читывалъ. Ни признака азарта, никакого фразерства, такъ непріятнаго у Луи Блана и даже Прудона; все спокойно, ровно, умѣренно. Прочитаешь его и увидишь, что П. О. (Чернышевскій) вышелъ изъ его школы“¹⁾.

Но придирчивость Мейера къ ученикамъ, грубое и дерзкое его отношеніе къ нимъ и несправедливая оцѣнка успѣховъ учениковъ довели Н. Г. до того, что онъ вышелъ изъ класса до окончанія экзамена. По увѣренію его бывшихъ учениковъ, дѣло объ этомъ доходило до попечителя Казанскаго учебнаго округа, который прислалъ для разслѣдованія дѣла окружного инспектора, признавшаго требованія Н. Г. справедливыми.

Вскорѣ послѣ экзаменовъ Н. Г. съ нѣсколькими учителями товарищами былъ въ Савушкиномъ саду (первый садъ на берегу Волги къ сѣверу отъ Саратова); Сергѣй Алексѣевичъ Колесниковъ, сослуживецъ Н. Г., математикъ, сталъ говорить ему. „Что вамъ за охота, Н. Г., спорить съ Мейеромъ изъ-за отмѣтокъ? Онъ дуракъ, дуракомъ и останется. Что вамъ ученики, что вы изъ-за нихъ ссоритесь съ директоромъ? Родственники что ли?“—„Я дуракамъ не уступаю“, отвѣчалъ на это Н. Г., „если ученикъ слабъ, я ему ставлю дурныя отмѣтки; но я не могу согласиться съ Мейеромъ поставить дурныя отмѣтки ученикамъ, которые знаютъ и отвѣчаютъ на экзаменѣ сносно, тѣмъ болѣе потому, что вижу въ этомъ явныя придирки Мейера къ ученикамъ. Онъ не доволенъ мною, а изъ-за меня страдаютъ ученики. Я не допущу этого“²⁾. Несмотря на это, Мейеръ боялся Н. Г.; онъ въ порывѣ гнѣва невольно часто восклицалъ: „какую свободу допускаетъ у меня Ч.! Онъ говорилъ учени-

¹⁾ Матеріалы для біографіи Н. А. Добролюбова, собранные въ 1861—1862 г., т. 1 изд. Солдатенкова. Москва. 1890 г. стр. 522.—Въ этихъ „Матеріалахъ“, представляющихъ много цѣнныхъ данныхъ и для біографіи Н. Г. Чернышевскаго, буквы п. о., поставленныя самимъ Чернышевскимъ—собирателемъ этихъ „Матеріаловъ“, замѣняютъ имя и отчество Чернышевскаго, буквы Л—скій, въ одномъ мѣстѣ—NN его фамилію, буква А—Саратовъ.

²⁾ Рассказъ бывшаго учителя саратовскаго приходскаго училища, П. Г. Плѣшивцева.

камъ о вредѣ крѣпостного права. Это вольнодумство и вольтерьянство! Въ Камчатку упекутъ меня за него“!

Говорять, Мейеръ дѣлалъ Н. Г. замѣчанія относительно преподаванія словесности, запрещая ему читать въ классѣ произведенія Гончарова, Пушкина, Лермонтова, Гоголя и др., и совѣтовалъ ограничиться учебниками, рекомендованными начальствомъ. Н. Г., глубоко презирая его, совершенно игнорировалъ его совѣты, продолжая по-прежнему свои занятія. Чаше и чаще сталъ заглядывать Мейеръ на уроки Н. Г., хотя, какъ и прежде, только на нѣсколько минутъ. Но такъ какъ онъ не могъ въ продолженіе этого времени узнать, что дѣлалось въ классѣ, то онъ выслушивалъ и даже узнавалъ объ этомъ отъ учениковъ и, въ особенности, отъ инспектора, Ангерлина, который считалъ, по словамъ М. А. Лакомте, своею обязанностию доносить директору обо всѣхъ учителяхъ все, что они говорили, или что о нихъ говорятъ въ городѣ, перетолковывая все слышанное по-своему, говорили же о Н. Г. въ городѣ очень много.

Впрочемъ, посѣщенія Мейеромъ уроковъ Н. Г. прекратились послѣ одного инцидента.

Когда Н. Г. съ увлеченіемъ читалъ что-то ученикамъ, является въ классъ Мейеръ. Всѣ ученики при входѣ его встали, но Н. Г. продолжалъ по-прежнему чтеніе, какъ будто Мейера не было въ классѣ. Тогда Мейеръ потребовалъ, чтобы Н. Г. спросилъ учениковъ заданный имъ урокъ. Н. Г., не обращая на его слова никакого вниманія, все читалъ. Спросивъ еще Н. Г. о чемъ-то и не получивъ отъ него отвѣта, Мейеръ, взявъ со стола классный журналъ Н. Г. и не увидѣвъ въ немъ ни одной отмѣтки за цѣлый мѣсяцъ, пришелъ въ ужасъ отъ этого и начальническимъ тономъ высказалъ ему приказаніе исполнять требованіе начальства; но Н. Г. все время читалъ, не переставая, какъ будто не къ нему относилась рѣчь Мейера. Раздосадованный и взбѣшенный этимъ, Мейеръ вышелъ изъ класса, а гимназисты, сдерживавшіе себя при немъ, разразились, по его уходѣ, юморическимъ хохотомъ, но Н. Г. невозмутимо продолжалъ чтеніе, какъ будто бы въ классѣ ничего не произошло. Съ тѣхъ поръ Мейеръ прекратилъ посѣщеніе уроковъ Н. Г.

Когда случился этотъ фактъ: предъ выходомъ ли его изъ гимназій, или задолго до него,—не помнятъ; только гимназистамъ онъ ясно показалъ, что гимназія, особенно Мейеръ, очень стѣсняли его дѣятельность, если онъ, будучи сдержаннымъ, такъ отнесся къ визиту Мейера. Но не одинъ Н. Г. тяготился службою съ Мейеромъ. „Служить съ такимъ человѣкомъ (съ Мейеромъ), въ особенности въ провинціи, гдѣ вполнѣ зависишь отъ непосредственнаго началь-

ника, было трудно“, говоритъ М. А. Лакомте, авторъ „Воспоминаній педагога“. Съ самаго поступленія Н. Г. въ гимназію ученики слышали отъ него, что ненадолго онъ поступилъ въ нее; затѣмъ онъ сказалъ гимназистамъ послѣдняго (7) класса: „когда вы окончите курсъ, и я выйду изъ гимназіи“. Но онъ вышелъ изъ нея раньше окончанія экзаменовъ.

VIII (XIII).

Гимназическая корпорація учителей, совершенно игнорировавшая дѣло воспитанія и обученія, не привлекала его къ себѣ, хотя онъ и не чуждался ихъ общества. Учителя жили разобщенно; между ними, кромѣ картъ и водки, не было ничего такого, что бы сплотило ихъ. Н. Г. иронически относился и къ нимъ. „Какъ хороша повѣсть въ „Современникѣ“! Я съ удовольствіемъ читалъ ее“, скажетъ кто-нибудь изъ учителей.—„Да, хороша, только для дѣтей, а не для насъ, взрослыхъ“..... отвѣтитъ, бывало, Н. Г. Рѣзкія сужденія приходилось выслушивать и инспектору. Въ то время въ гимназіи, какъ и во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, лѣнивыхъ и мало-успѣвавшихъ учениковъ первыхъ трехъ классовъ заставляли учиться „березовою кашею“: за баллъ 1—ученику давали 20 розгъ, за 2—десять. Ученики пансіонеры, желая отдѣлаться отъ такой поощрительной мѣры, уходили въ лазаретъ, гдѣ гимназическій докторъ, Троицкій, зная истинную причину прихода учениковъ къ нему, относился къ нимъ снисходительно, но полякъ Граковскій, смѣнившій его, хотя и принималъ ихъ въ лазаретъ, но за то сажалъ ихъ на одинъ супъ и велѣлъ прикладывать имъ къ ногамъ и шеѣ горчичники. Несмотря на то, что порки происходили въ отдаленной комнатѣ, Н. Г. и всѣмъ учителямъ извѣстно было, надъ кѣмъ и когда была произведена экзекуція, и потому онъ никогда не пропускалъ инспектора безъ того, чтобы не послать по адресу его нѣсколько сарказмовъ.

Изъ гимназическихъ учителей Н. Г. симпатизировалъ только двумъ: Евлампію Ивановичу Ломтеву, личности идеально честной и свѣтлой, и Евгенію Александровичу Бѣлову, человѣку, обладавшему значительнымъ историческимъ и литературнымъ образованіемъ. Съ нимъ онъ часто проводилъ время. Не чуждался Н. Г. и общества учителей низшихъ учебныхъ заведеній, съ которыми ходилъ по садамъ пить чай и катался на лодкѣ. Выше было рассказано, со словъ Прокоція Григорьевича Плѣшивцева, бывшаго учителя при-

готовительнаго класса при саратовскомъ уѣздномъ училищѣ, о разговорѣ Н. Г. съ Колесниковымъ въ Савушкиномъ саду.

Памятенъ для этого учителя и другой случай, бывшій съ нимъ. Приготовительный классъ (теперь казанское приходское училище) при уѣздномъ училищѣ содержался на обязательный взносъ почетнаго смотрителя, которымъ въ пятидесятыхъ годахъ въ уѣздномъ училищѣ былъ А. П. Слѣпцовъ. Это былъ благороднѣйшій и честнѣйшій человекъ своего времени, который нерѣдко выводилъ учительскій персоналъ изъ финансоваго затрудненія и облегчалъ его быть. Слѣпцовъ бралъ на каникулы учителей въ свое имѣнiе, гдѣ они жили на его счетъ. Присылаемые казанскимъ учебнымъ округомъ разныя изданія для продажи, какъ-то: калмыцкія грамматики и другія книги, не находившія сбыта въ Саратовѣ, штатный смотритель отсылалъ ему, и онъ, зная, что подобныя изданія не могутъ быть проданы, а, между тѣмъ, деньги за нихъ непременно должны быть отправлены въ округъ, отдавалъ за нихъ свои деньги. Несмотря на это, Слѣпцовъ разъ поставилъ Плѣшивцева, получавшаго изъ взноса Слѣпцова жалованіе 7 р. 7 к. въ мѣсяцъ, въ критическое положеніе. Уѣхавши на Кавказъ къ своему брату, извѣстному кавказскому герою, онъ позабылъ прислать въ уѣздное училище свой обязательный взносъ, и учитель оставался нѣсколько мѣсяцевъ безъ жалованія. Тогда Плѣшивцевъ обратился къ директору Мейеру, которому рассказалъ о своемъ положеніи и который обѣщавъ помочь ему. Чернышевскій, сидѣвшій позади директора, слушалъ со вниманіемъ весь рассказъ Плѣшивцева, и передъ уходомъ его изъ канцеляріи гимназіи, гдѣ происходило дѣло, далъ знаками ему понять, что онъ желаетъ переговорить съ нимъ наединѣ, что тотъ и сдѣлалъ. „Вы не обидитесь“, спросилъ его Н. Г., когда они остались вдвоемъ, „если я предложу вамъ маленькую помощь?“. Получивъ утвердительный отвѣтъ, Н. Г. далъ Плѣшивцеву три рубля, чему тотъ былъ радъ.

IX (XIV).

Кромѣ педагогической среды, Н. Г. имѣлъ много другихъ знакомыхъ. Никогда онъ во всю свою жизнь не велъ такой общественной жизни, какъ тогда, когда былъ учителемъ въ Саратовской гимназіи. Къ этому побуждало, какъ собственное его желаніе, такъ и желаніе его родителей, которые просили его часто отплатить кому-нибудь визитъ, или просили его быть на вечерахъ, вмѣсто себя, такъ какъ они сами рѣдко бывали въ обществѣ. Посѣщавъ

Н. Г. образованное семейство Ступиныхъ, а также семейство председателя казенной палаты Кобылина, дѣтямъ котораго давалъ онъ уроки; бывалъ у совѣтника казенной палаты, Д. А. Горбунова, переводчика поэмы Мицкевича „Конрадъ Валленродъ“.

Вообще, онъ часто появлялся въ обществѣ, и вездѣ, несмотря на неуклюжесть, былъ желаннымъ и дорогимъ гостемъ, благодаря своему уму и высокому и обширному образованію, чѣмъ надолго оставилъ по себѣ воспоминаніе.

Будучи въ гостяхъ, Н. Г. казался очень застѣнчивымъ и сидѣлъ по цѣлымъ вечерамъ молча, даже въ то время, когда велся оживленный разговоръ. Для объясненія этого явленія достаточно привести объясненіе самого Чернышевскаго, сдѣланное имъ по поводу неисправной переписки Н. А. Добролюбова съ своими родными, которымъ онъ подолгу не отвѣчалъ на письма. „Дѣло въ томъ, что ему тяжело было писать роднымъ: понятія его стали не такими, какія сохранились у нихъ, стремленія его были чужды имъ, и переноситься мыслями въ ихъ понятія, въ ихъ интересы, было и трудно, и неприятно ему. Жить ихъ жизнью онъ пересталъ еще до отъѣзда въ Петербургъ, и бесѣдовать съ ними становилось для него все затруднительнѣе и затруднительнѣе¹⁾. Когда же заводили серьезный разговоръ, или обращались къ нему за разрѣшеніемъ какого-либо вопроса, то онъ, имѣя замѣчательный даръ слова, весь уходилъ въ интересовавшій его предметъ и велъ разговоръ такъ просто, ясно и понятно и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ увлекательно, что невольно очаровывалъ своею рѣчью всѣхъ, и тогда слушали его съ наслажденіемъ. Разъ у Кобылиныхъ собралось большое общество. Одна барышня виртуозка, пріѣхавшая изъ Петербурга, по просьбѣ гостей, сѣла за фортепьяно и стала играть. Ее окружили почти всѣ гости. Кто-то вступилъ въ разговоръ съ Н. Г., бывшимъ тоже въ гостяхъ. Н. Г. началъ о чемъ-то объяснять и такъ увлекъ, что мало-по-малу всѣ слушавшіе барышню сгруппировались около него, такъ что барышня, сконфуженная, прекратила игру. Когда онъ окончилъ, то кто-то захопалъ въ ладоши, и всѣ подхватили. „Послушать такихъ ученыхъ полезно“, сказалъ одинъ изъ гостей. Другой случай, заставившій говорить о Н. Г., былъ на дачѣ у Кобылина (теперь институтъ). Тогда садъ и роца при домахъ этой дачи были въ заброшенномъ состояніи, мостъ черезъ оврагъ по ветхости былъ разобранъ. Сидитъ Н. Г. въ большомъ обществѣ молодыхъ людей, съ которыми были гувернеръ-швейцарецъ и гувер-

¹⁾ Матеріалы для біографіи Н. А. Добролюбова, стр. 356. Примѣчаніе Н. Г. Чернышевскаго.

навтка. Ночь была лунная, свѣтлая. Вдругъ видятъ, что по на правленію отъ мѣста къ дому, около котораго всѣ сидѣли на скамейкахъ, медленно двигается что-то бѣлое. Всѣ приняли это за привидѣніе и подняли страшный крикъ. Одинъ Н. Г. не потерялъ присутствія духа: онъ сталъ увѣрять, что это не привидѣніе, а несомнѣнно человѣкъ, и, въ доказательство этого, самъ отправился къ оврагу и привелъ закутаннаго въ простыню швейцарца-губернера, который хотѣлъ пошутить. Эти факты изъ жизни Н. Г. покажутся многимъ совершенно ничтожными, но въ глазахъ тогдашняго общества, отличавшагося невѣжествомъ и предрасудками, подобныя явленія должны были обратить на себя вниманіе, и о нихъ заговорили въ обществѣ: такъ была бѣдна тогдашняя жизнь содержаніемъ, что и ничтожнѣйшіе факты, выходящіе изъ ряда обыденной жизни, принимали размѣръ почти цѣлаго событія ¹⁾. Дѣлаемъ это замѣчаніе какъ по поводу вышеозначенныхъ фактовъ, такъ и другихъ рассказанныхъ. Бывалъ Н. Г. и у саратовскаго губернатора и архіерея.

Саратовскій губернаторъ, Матвѣй Львовичъ Кожевниковъ, познакомился съ нимъ тогда, когда Н. Г. былъ еще студентомъ. Декабристъ А. П. Бѣляевъ, бывавшій на губернаторскихъ обѣдахъ, видѣлъ Н. Г. Чернышевскаго, тогда еще студента и неизвѣстнаго, у губернатора за обѣдомъ въ 1848 г. ²⁾. Кожевниковъ былъ „человѣкъ достаточно образованный, честный, премилый, и симпатичный ³⁾“.

¹⁾ Для провѣрки нашего объясненія см. Вороновъ, „Болото“, стр. 131—134 гдѣ онъ изображаетъ саратовское общество пятидесятихъ годовъ, хотя нѣсколько каррикатурно. Не знаю года, но помню очень хорошо, что М. Л. Кожевниковъ, отличавшійся простымъ отношеніемъ къ людямъ, пришелъ нѣшкомъ (онъ жилъ близко отъ дома Чернышевскихъ, въ нынѣшнемъ домѣ Духинова), къ Гавріилу Ивановичу, поздравить его съ полученною, какою не помню, кажется орденомъ Анны, наградой. Онъ пожелалъ видѣть и Н. Г., но его не было дома, и когда М. Л. выразилъ сожалѣніе объ этомъ, Гавріилъ Ивановичъ спросилъ, когда онъ прикажетъ явиться къ нему Н. Г.—чу. Тотъ отвѣчалъ, что пришлетъ сказать, и точно, нѣсколько дней спустя, получена была записка, приглашавшая Н. Г. къ обѣду въ тотъ же день. Н. Г. опять не было дома, и Гавріилъ Иванов. послалъ за нимъ, не желая, чтобы любезность М. Л. осталась безъ отвѣта. Это и было первымъ посѣщеніемъ Николаемъ Гавр. Кожевникова.

Возвратившись съ обѣда, онъ говорилъ, что тамъ было довольно интересное общество, и что Кожевниковъ просилъ его бывать у него постоянно на этихъ обѣдахъ.

²⁾ Воспомянія декабриста А. П. Бѣляева „Рус. Стар.“, 1864 г. май, стр. 314 и 315.

³⁾ О немъ: 1) тамъ же, 2) Пыпинъ А. Н. Исторія русской этнографіи. Т. III, стр. 154. 3) В. И. Дурасова, Частный приставъ Вандышевъ, „Сарат. Дневн.“ 1888 г. № 263.

Его можно было бы назвать „рыцаремъ безъ страха и упрека“, если бы онъ не имѣлъ склонности къ хорошимъ винамъ; онъ и самъ любилъ выпить, любилъ, чтобы и гости его пили. Отъ этого часто онъ страдалъ подагрою.

Пользуясь его слабостію, подчиненныя ему лица, какъ это бываетъ при всѣхъ почти начальникахъ, ловили въ мутной водѣ рыбу, а онъ получалъ изъ-за нихъ изъ министерства обидныя для себя предписанія, набрасывавшія на него тѣнь. Одинъ начальникъ департамента, Ш., заподозрилъ Кожевникова въ официальной бумагѣ чуть ли не во взяткахъ. Задѣло это Кожевникова за живое, и онъ самъ въ отвѣтъ написалъ ему на бланкѣ письмо, которое закончилъ приблизительно слѣдующими словами: „Слава Богу, что насъ раздѣляетъ почти тысячеверстное пространство, иначе я поступилъ бы съ Вами такъ, какъ поступаютъ порядочные люди съ тѣми, которые осмѣливаются оскорблять ихъ честное имя“. Такой-то человекъ, стоя по своему образованію выше всего саратовскаго общества, просилъ Н. Г. бывать у него запросто, чтобы побесѣдовать съ нимъ; но такъ какъ каждое посѣщеніе почти заканчивалось обѣдомъ, во время котораго бывало большое общество, истреблявшее множество винъ, то Н. Г. тяготился этимъ, и только необыкновенная любезность и особое радушіе губернатора, который даже не хотѣлъ обѣдать безъ Н. Г., посылая за нимъ своихъ служащихъ, были причиною, что онъ изрѣдка бывалъ у него. Не нравились ему губернаторскіе обѣды; послѣ нихъ съ отуманенною головою онъ долго ходилъ по городу, чтобы освѣжиться.

Преосвященный Аѳанасій¹⁾, правившій саратовскою епархіею съ 1848 г. по 1856 г., относился къ Николаю Гавриловичу, по увѣренію И. А. Залѣскаго, его бывшего ученика, тоже съ особеннымъ уваженіемъ; и Н. Г. бывалъ у него по четвергамъ. Этотъ преосвященный, будучи человекъ образованнымъ, знавшимъ основательно естественныя и математическія науки и нѣсколько языковъ, изучилъ по первоначальнымъ источникамъ все то, что относится къ археологіи христіанства, и, угодивъ въ Саратовъ, по волѣ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, Протасова, при которомъ игралъ нѣкоторую роль, весь былъ погруженъ въ науку, хотя ровно для нея ничего не сдѣлалъ. Живи въ Саратовѣ, какъ бы въ изгнаніи,

¹⁾ О немъ: 1) Каменскій, Астраханскій и Енотаевскій архіепископъ Аѳанасій, 1887 г. 2) Наша свѣтская духовная печать о духовенствѣ. Воспоминанія бывшего альтя-солиста А. Б—ча (то есть Бровковича—свѣтская, фамилія Никанора, архіепископа Херсонскаго и Одесскаго) „Гражданинъ“ 1884 г. №№ 2 и 3. 3) Записки сельскаго священника, стр. 83 и слѣд. 4) „Саратовскій Листокъ“, 1877 г. № 1 и 4.

онъ написалъ было исторію христіанской Церкви, которую довелъ до 14 вѣка, но, узнавши отъ учителя семинаріи, Дружинина, что императоръ Константинъ, при которомъ былъ первый Никейскій соборъ, только предъ смерью принялъ христіанство, и что при жизни мирволилъ и язычникамъ, преосвященный, считая Константина за истиннаго христіанина, на чемъ и построилъ всю исторію, такъ пораженъ былъ фактомъ, рассказаннымъ Дружининымъ, что сжегъ все написанное имъ въ каминѣ. Это-то несогласіе выводовъ науки съ общепринятыми мнѣніями и было причиною того, что преосвященный Аѳанасій переживалъ, по увѣренію А. Б—ча, въ Саратовѣ мучительное состояніе, граничащее съ умопомѣшательствомъ. Николай Гавриловичъ нѣсколько иначе смотрѣлъ на преосвященнаго Аѳанасія.

„Да-съ, ученѣйшій мужъ былъ преосвященный Аѳанасій,—говоритъ Н. Г. съ усмѣшкою,—онъ любилъ читать такія книги, которыя никто и въ руки не возьметъ, да и незачѣмъ и читать ихъ, а преосвященнаго онѣ занимали, и очень. Когда пріѣдетъ къ намъ въ гимназію, то дѣлаетъ возраженія цитатами изъ средневѣковыхъ писателей; его никто не понимаетъ, а ему и любо. Да-съ, вотъ онъ какой былъ“. По увѣренію И. Н. Виноградова, Аѳанасій любилъ пускать пыль въ глаза своею ученостью.

X (XV).

Но ни съ кѣмъ Н. Г. такъ много не проводилъ времени, какъ съ почтеннымъ историкомъ Н. И. Костомаровымъ, который въ то время проживалъ въ Саратовѣ въ ссылкѣ; къ нему Н. Г. явился, по увѣренію Костомарова, для знакомства первымъ. Кружокъ близкихъ знакомыхъ Н. И. состоялъ изъ молодыхъ людей, студентовъ виленскаго университета, сосланныхъ въ Саратовъ: Мелянтовича, Михаловскаго, Завадскаго и Врублевскаго, очень образованныхъ людей. Н. Г. недолюбливалъ высокомерныхъ и кичащихся своимъ образованіемъ поляковъ, принятыхъ въ лучшихъ аристократическихъ домахъ Саратова, и они отплачивали ему тѣмъ же. „Мелянтовичъ“, говоритъ Н. И. Костомаровъ, „человѣкъ поэтической и увлекающійся, недолюбливалъ Чернышевскаго, называлъ его сухимъ, самолюбивымъ и не могъ простить въ немъ отсутствія поэзіи. Въ послѣднемъ онъ врядъ ли ошибался. Помню я одинъ вечеръ въ маѣ 1852 г., сидѣлъ я у окна, изъ котораго открывался прекрасный видъ: Волга во всемъ величіи, за нею горы, кругомъ сады, пропасть зелени... Я совершенно увлекся. Смотрите, Н. Г., какая прелесть: не налюбуюсь!

Если освобожусь когда-нибудь, то пожалуй это мѣсто“. Чернышевскій засмѣялся своимъ особымъ тихимъ смѣхомъ и сказалъ: „Я не способенъ наслаждаться красотами природы“¹⁾. Отвѣтъ Чернышевскаго настолько характеристиченъ, что мы считаемъ нужнымъ сказать по поводу его нѣсколько словъ.

Дѣйствительно, въ характерѣ Ч., скажемъ его же словами, получила сильное вліяніе разсудительность²⁾, и разсудокъ его преобладалъ надъ сердечною способностью: у него постоянно работала голова, занятая интересовавшими его идеями, поэтому онъ, будучи постоянно погруженъ въ міръ новыхъ для него понятій, неспособенъ былъ увлекаться, подобно другимъ, внѣшнимъ міромъ. „Какая скука, вѣроятно, нападала на васъ, когда вы жили тамъ“³⁾? спрашиваетъ Н. Г. одна его родственница.—Нѣтъ, не скучалъ. Я имѣю способность жить въ мірѣ идей, которыя занимаютъ меня, и покуда у меня эти идеи есть и ими занята голова, я только и знаю ихъ; для меня болѣе ничего уже не существуетъ: ни обстановка, ни люди, ни природа,—отвѣтилъ Н. Г.

Но несмотря на это, представленный Н. И. Костомаровымъ фактъ, какъ доказательство отсутствія поэзіи въ Н. Г., нисколько не убѣдителен⁴⁾. Въ домѣ Чернышевскихъ, стоящемъ почти на берегу Волги, существуетъ до сихъ поръ тотъ мезонинъ, въ которомъ Н. Г. жилъ всѣ свои юношескіе годы и даже взрослый, будучи учителемъ гимназіи⁵⁾. Хотя домъ выходитъ окнами на

¹⁾ Автобіографія Н. И. Костомарова „Русск. Мысль“, 1885 г., № 6 стр. 24. Позднѣйшее добавленіе: Тутъ дѣйствовала привычка къ тѣмъ красотамъ мѣстности, которыя восхищали другихъ, кромѣ того, многое объясняется и крайней близорукостью, которая всегда и всѣмъ мѣшаетъ оцѣнивать красоту вида.

²⁾ Матеріалы для біографіи Н. А. Добролюбова. Примѣчаніе Чернышевскаго стр. 355.

³⁾ Этимъ словомъ онъ замѣнялъ названіе той страны, гдѣ онъ жилъ не по своей волѣ. Зная это, и другіе употребляли при немъ это же слово.

⁴⁾ Къ этому мѣсту относится позднѣйшее добавленіе: Помню, что въ первый разъ узнала „Парадный подъѣздъ“ отъ Ник. Гавр., который съ большимъ чувствомъ продекламировалъ его намъ съ сестрой во время переѣзда позднимъ уже вечеромъ въ Саратовъ изъ Пристаннаго, гдѣ мы были вмѣстѣ съ нимъ у В. Д. Чеснокова. Н. Г. очень взволновалъ насъ этимъ стихотвореніемъ, и я до сихъ поръ не могу забыть всей яркости полученнаго впечатлѣнія. „Парадный подъѣздъ“ только что былъ написанъ
А. Л.

⁵⁾ Сюда добавлено: Только въ это-то время и жилъ въ мезонинѣ Н. Г.—Раньше, въ его юношескіе годы, это была комната его двоюродной сестры, Любови Николаевны Котляревской, потомъ Терсинской. Н. Г. жилъ внизу.—

Большую Сергіевскую улицу, идущую параллельно Волгѣ, но мезонинъ обращенъ окнами на Волгу (съ улицы его не видно). Н. Г. любилъ этотъ мезонинъ: въ немъ онъ могъ совершенно уединиться для своихъ занятій, такъ что никто не могъ мѣшать ему; кромѣ того въ лѣтніе вечера, когда вездѣ въ домахъ душно, такъ что такъ и тянетъ выйти изъ дома на свѣжій воздухъ, въ мезонинѣ воздухъ умѣрялся прохладой съ Волги, и Н. Г. предпочиталъ проводить время дома и читать что-нибудь. Можетъ быть, мезонинъ много способствовалъ развитію въ немъ кабинетной жизни. Прелестный видъ изъ оконъ мезонина открывается на Волгу и на ея окрестности на громадное разстояніе. Волга, которая теперь ушла отъ Саратова, оставляя ему на осень только голые пески, тогда была противъ Саратова шириною около пяти или шести верстъ—единственное широкое мѣсто въ былое время въ среднемъ теченіи Волги, что даже занесено въ тогдашніе учебники; кромѣ Волги, изъ оконъ мезонина виднѣются Зеленый островъ, противоположный лѣвый берегъ Волги съ Покровскою слободою и лѣсными чащами, опушающими лѣвый берегъ, мысъ съ деревушкою Увекомъ и историческими развали, нами, которыя часто составляли прѣметъ для разговора Г. С. Саблукова, прельщавшаго своими рассказами любознательнаго мальчика. Такимъ образомъ, Н. Г. имѣлъ постоянно предъ собою поэтической видъ. Хотя Н. И. Костомаровъ и Мелянтовичъ¹⁾ и жили въ Саратовѣ, но любоваться волжскими видами могли только изъ чужихъ оконъ, и тогда восхищались ими, и если Н. Г. засмѣялся „своимъ особымъ смѣхомъ“, то, вѣроятно, потому, что онъ не могъ восторгаться тѣмъ, что видѣлъ предъ собою съ малолѣтства постоянно, или, можетъ быть, онъ былъ въ такомъ расположеніи духа, что неспособенъ былъ восхищаться чѣмъ бы то ни было, или его занимали какія-нибудь мысли. Констатируемъ и слѣдующіе факты изъ жизни Н. Г., противорѣчащіе высказанному мнѣнію Н. И. Костомарова о Чернышевскомъ.

Въ то время, когда Мелянтовичъ и Костомаровъ находятъ въ Н. Г. отсутствіе поэзіи²⁾, въ Саратовской гимназіи происходитъ небывалое до сихъ поръ явленіе: Н. Г. приводитъ въ поэтическое состояніе своихъ маленькихъ слушателей. „Особенно полное и глубокое впечатлѣ-

Видъ на Волгу, конечно, былъ слишкомъ привычнымъ, чтобы слишкомъ имъ восторгался Н. Г., кромѣ того, его крайняя близорукость всегда мѣшала любоваться красотами природы. А. Л.

¹⁾ Позднѣйшее добавленіе, А. Л.: Мелянтовичъ послѣдніе мѣсяцы своей жизни жилъ также на берегу Волги, въ домѣ Пыпиныхъ, гдѣ и умеръ.

²⁾ Добавленіе позднѣйшее А. Л.: Было отсутствіе экспансивности, можетъ быть.

тлѣніе онъ“,—свидѣтельствуеъ одинъ изъ многочисленныхъ восторженныхъ его почитателей, М. Вороновъ ¹⁾), „произвелъ на насъ чтеніемъ Жуковскаго, къ поэзіи котораго питалъ тогда особенную склонность нашъ дѣтскій мечтательный умъ. Мы, помню, плакали надъ сказкой „Рустемъ и Зорабъ“, прочитанной съ необыкновеннымъ умѣніемъ и чувствомъ“. Чтеніе его, по словамъ другого его ученика, И. А. Залѣскаго, было образцово и увлекательно. Онъ входилъ въ характеръ дѣйствующихъ лицъ и мѣнялъ, смотря по содержанію, голосъ, тонъ и манеры. Казалось, онъ самъ переживалъ тѣ событія, о которыхъ читалъ. Такъ, помнится, прочитаны были имъ: „Ревизоръ“ Гоголя, „Обыкновенная исторія“ Гончарова, нѣсколько стихотвореній Жуковскаго и другія ²⁾). Вообще у Н. Г. съ юныхъ лѣтъ была привычка, сохранившаяся всю жизнь, читать и декламировать стихотворенія нашихъ поэтовъ, особенно „Въ минуту жизни трудную“.

Любилъ онъ и природу. Такъ, онъ катался на лодкѣ по Волгѣ вмѣстѣ съ учителями, посѣщалъ сады, ходилъ по окрестностямъ Саратова и Астрахани, собирая цвѣты и камешки, а изъ отдаленной страны, гдѣ онъ прожилъ почти треть своей жизни, присылалъ въ письмахъ засушенные цвѣты. Чтобы понять отвѣтъ Чернышевскаго, скажемъ объ образѣ выраженія мыслей Н. Г., довольно своеобразномъ. Чернышевскій, а равно и его ученикъ, Н. А. Добролюбовъ ³⁾, очень часто любили выражаться иронически и иносказательно, и ихъ выраженія многіе понимали въ буквальномъ смыслѣ, чѣмъ ставили себя въ комическое положеніе. Добролюбову приходилось по этому поводу объясняться даже съ своими товарищами, которые его цѣлыя статьи приняли въ буквальномъ смыслѣ. Такъ А. П. Златовратскій „принялъ всѣ ироническія выраженія Н. А. Добролюбова въ буквальномъ смыслѣ и вообразилъ, что статья его—панегирикъ Аксакову“ ⁴⁾.

Добролюбовъ въ одномъ изъ своихъ писемъ Чернышевскому такъ характеризуетъ его рѣчь. „На-дняхъ къ вамъ явится нѣкто Фриккенъ, которому я далъ записочку къ вамъ по его просьбѣ. Это—человѣкъ хорошій и расположенный поправить недостатки

¹⁾ М. Вороновъ: „Болото“. Стр. 121. *Прибавка А. Л.*: его бывшій ученикъ Саратовской гимназіи.

²⁾ *Здѣсь дальше зачеркнуто*: Онъ могъ бы быть хорошимъ актеромъ, если этому не препятствовалъ бы его природный недостатокъ—голосовыя средства, которыя были у него слабы. А. Л.

³⁾ См. „Матеріалы для біографіи Н. А. Добролюбова“, стр. 319, гдѣ Добролюбовъ называетъ себя ученикомъ NN, т. е. Чернышевскаго.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 489. Примѣчаніе Н. Г. Чернышевскаго.

воспитанія, полученнаго имъ въ пажескомъ корпусѣ. Отчасти онъ уже и успѣлъ въ этомъ. Не очень сбивайте его съ толку своей ироніей: онъ такого характера, что способенъ принять ее за чистую монету ¹⁾“.

Костомаровъ, имѣя простую и открытую натуру, не могъ понять сатиры Щедрина, точно такъ же и выше приведенныя слова Ч. были приняты имъ за личное мнѣніе о себѣ Чернышевскаго, т. е. за „чистую монету“.

Мнѣніе Мелантовича о Н. Г., какъ о человѣкѣ самолюбивомъ, нельзя назвать справедливымъ. Выше было сказано, что Н. Г. выучился французскому языку еще въ дѣтствѣ, но произношеніе у него было плохое. Были двѣ попытки выучиться французскому произношенію. Первая попытка была еще въ дѣтствѣ. Въ Саратовѣ въ то время было мало учебныхъ заведеній: гимназія, семинарія, два духовныхъ училища, уѣздное училище съ приготовительнымъ классомъ и два приходскихъ училища; частныхъ учебныхъ заведеній въ пору дѣтства Н. Г. не было. Между тѣмъ потребность въ первоначальныхъ учебныхъ заведеніяхъ чувствовалась настоятельная, особенно въ среднемъ классѣ. Семейства, гдѣ было много дѣтей, сообщая съ другими семействами, уговаривались вмѣстѣ обучать дѣтей. Они приглашали законоучителя и учителей, удовлетворявшихъ ихъ взглядамъ на воспитаніе и обученіе, а также по своимъ средствамъ. Такимъ образомъ образовалось нѣчто вродѣ пансіона. Недалеко отъ Чернышевскаго жило семейство Золотаревыхъ, у котораго былъ такой частный пансіонъ. Законъ Божій преподавалъ тамъ священникъ Сергіевской церкви, сослуживецъ Г. И. Снѣжницкій, учителемъ русскаго языка и исторіи былъ Ѳ. П. Волковъ, учитель гимназій; французскій языкъ, составлявшій основу тогдашняго обученія, былъ предметомъ особой заботливости содержателей этого заведенія.

Хотя въ Саратовѣ послѣ 1812 года осталось много плѣнныхъ французовъ, которые поступали въ дома въ качествѣ воспитателей, гувернеровъ и учителей, но всѣ они, за исключеніемъ здравствующаго и теперь француза Савена ²⁾, статрицатилѣтняго старика, дававшего уроки въ аристократическихъ домахъ, были или малограмотны и невѣжды или же имѣли провинціальный выговоръ, почему

¹⁾ „Матеріалы для біографіи Н. А. Добролюбова“, стр. 622—сразу послѣ этой сноски въ текстъ рукописи было приведено около полустраницы выдержекъ изъ Писемскаго, т. IX. р. 139, потомъ они зачеркнуты. А. Л.

²⁾ Писано въ 1891 г. А. Л.

для занятій французскимъ языкомъ была приглашена единственная на весь Саратовъ француженка Пикеръ, жена кондитера, дававшая уроки французскаго языка во многихъ домахъ съ утра до вечера. Г. И. часто занимался вмѣсто Снѣжницкаго, по его просьбѣ, въ этомъ пансіонѣ, и потому, зная порядки этого заведенія, отдалъ туда Н. Г., для обученія французскому языку. Два мѣсяца ходилъ въ этотъ пансіонъ Н. Г., но, видя, что его товарищи по пансіону смѣются надъ его произношеніемъ, Н. Г. съ согласія отца прекратилъ посѣщеніе пансіона, тѣмъ болѣе и потому, что преподаваніе французскаго языка не удовлетворяло его. Одна дѣвочка, обучавшаяся въ пансіонѣ, высказалась Снѣжницкому, товарищу Н. Г., что надъ произношеніемъ его смѣются всѣ воспитанницы не только въ классѣ, но и внѣ его.

На это Снѣжницкій отвѣтилъ: „Вы бы послушали, какъ Ч. смѣется надъ вами и надъ Пикеръ, сами разсмѣялись бы! 1)“.

Точно также неудачна была и другая попытка выучиться французскому произношенію. Будучи учителемъ въ Саратовской гимназіи, онъ сталъ брать уроки французскаго языка у дѣвицы Ступиной, хорошей знакомой Ч. Разъ онъ прочелъ нѣсколько словъ такъ плохо, что возбудилъ невольный и искренній смѣхъ молодой неопытной въ педагогическомъ дѣлѣ учительницы, который такъ обидѣлъ Ч., что онъ схватилъ шапку и, не простившись, ушелъ и пересталъ брать у нея уроки.

Но каково бы ни было мнѣніе почтеннаго очень увлекавшагося и впечатлительнаго историка Н. И. о Н. Г., высказанное имъ въ 1880 годахъ, все-таки въ Саратовѣ они часто бывали другъ у друга, говорили, спорили между собою, много читали, и того, и другого очень интересовали лекціи Фейербаха и естествознаніе, а иногда играли въ шахматы. Съ какимъ, бывало, удовольствіемъ Н. И. дѣлился съ Н. Г. книжными новостями! Какъ только онъ получитъ съ почты книжку, такъ и отправится къ Н. Г., съ которымъ вмѣстѣ и прочтутъ ее, и поговорятъ, и поспорятъ. Иногда встрѣтятся у общихъ знакомыхъ и такъ увлекутся споромъ, что уже не обращаютъ ни на кого вниманія. Такъ разъ въ одномъ домѣ проспорили объ одномъ какомъ-то словѣ чуть не цѣлый вечеръ. Невольно слушая ихъ споръ, чиновники приходили въ недоумѣніе и скажутъ: „Чортъ знаетъ, о чемъ спорятъ и горячатся, хоть бы о чемъ-нибудь дѣльномъ говорили, а то, извольте ли видѣть, о словѣ спорятъ да въ азартъ приходятъ“. Вообще, отношенія между ними были чисто дружескія. Какъ дорожилъ Н. Г. знакомствомъ съ Н. И.,—видно

1) Разсказъ Ольги Илларионовны Молчановой, урожденной Золотаревой.

изъ словъ Г. И., который часто говорилъ: „Мой Николай только и отводитъ душу съ Николаемъ Ивановичемъ“.

Какъ извѣстно, нашъ историкъ въ Саратовѣ сдѣлалъ предложеніе и хотѣлъ жениться на Н. Д., одной изъ дочерей Ступинныхъ, но произошла между ними размолвка, и свадьба не состоялась. Н. Г. не одобрялъ женитьбы Н. И. Костомарова. Воззрѣнія Н. Г. на женщинъ тогда были довольно оригинальныя. Послушаемъ, что рассказываетъ по этому поводу Т. И. Тищенко.

„Живя неподалеку отъ Ч., я часто готовилъ уроки подъ руководствомъ Н. Г. ¹⁾, тогда уже приготовлявшася къ поступленію въ университетъ, а такъ какъ я въ нѣсколькихъ классахъ сидѣлъ по два года, то Н. Г. былъ моимъ учителемъ въ гимназiи. Съ нимъ я, какъ и другіе мои товарищи, часто гулялъ по городу и ходилъ въ церковь; онъ часто говорилъ со мною и по-прежнему во время прогулокъ многое мнѣ объяснялъ. Встрѣчая меня въ женскомъ обществѣ, расположеніемъ котораго я, какъ ловкій кавалеръ и танцоръ, пользовался, Н. Г. увидитъ меня и скажетъ: Что, Тищенко, вы по цѣлымъ часамъ проводите съ барышнями, болтая съ ними? Что такое наша барышня? Та же печка (при этомъ онъ указалъ мнѣ на изразцовую печку), такъ же блеститъ, какъ и она, но при этомъ такъ же холодна, какъ этотъ камень; ни мысли, ни глубокаго чувства вы въ ней не замѣтите, поэтому съ ней ни о чемъ нельзя говорить, кромѣ нарядовъ да вечеровъ. Читали бы лучше больше, а то отъ барышенъ ничему хорошему не научитесь“. Вслѣдствіе такого воззрѣнія на женщинъ Н. Г. отклонялъ Н. И. отъ женитьбы. Н. Г. постоянно въ то время твердилъ: „Николай Ивановичъ будетъ потерянъ для исторiи, если женится на Ступиной“. Но и съ Н. Г. случилось то же, что было и съ почтеннымъ историкомъ: онъ тоже влюбился, о чемъ будетъ рассказано нами въ слѣдующихъ главахъ.

Саратовъ. 10 ноября 1891 г.

Приложеніе № 4.

Д. Л. Мордовцевъ вывелъ Чернышевскаго подъ фамиліею Чернова въ романѣ „Профессоръ Ратмировъ“. Вотъ какъ онъ характеризуетъ его: „Холерикъ Черновъ, сильный и нѣсколько угрюмый брюнетъ (?), былъ рѣзокъ въ своихъ приговорахъ, горячъ и нетерпѣливъ въ спорахъ, иногда даже очень жестокъ,—за что и называли его свирѣпымъ Маратомъ.“

(Книжки Недѣли, 1889 г., февраль, стр. 92).

Приложеніе № 5.

Относительно рѣзкости въ выраженiяхъ интересны разсужденiя въ романѣ „Что дѣлать?“ Да, при всей дикости его манеры, онъ который

¹⁾ Объ этомъ рассказано уже выше.

оставался убѣжденъ, что Рахметовъ поступилъ именно такъ, какъ благоразумнѣе и проще всего было поступить, и свои странныя рѣзкости, ужаснѣйшія укоризны онъ говорилъ такъ, что никакой разсудительный человѣкъ не могъ ими обижаться, и при всей своей феноменальной грубости, онъ былъ, въ сущности, очень деликатенъ. У него были и предисловія въ этомъ родѣ. Всякое щекотливое объясненіе онъ начиналъ такъ: „Вамъ извѣстно, что я буду говорить безъ всякаго личнаго чувства. Если мои слова будутъ не пріятны, прошу извинить ихъ. Но я нахожу, что не слѣдуетъ обижаться ничѣмъ, что говорится добросовѣстно, вовсе не съ цѣлю оскорбленія, а по надобности. Впрочемъ, какъ скоро вамъ покажется бесполезно продолжать слышать мои слова, я остановлюсь; мое правило: предлагать мое мнѣніе всегда, когда я долженъ, и никогда не навязывать его“. И дѣйствительно, онъ не навязывалъ: никакъ нельзя было спастись отъ того, чтобы онъ, когда находилъ это нужнымъ, не высказалъ вамъ своего мнѣнія, настолько, чтобы вы могли понять, о чемъ и въ какомъ смыслѣ онъ хочетъ говорить; но онъ дѣлалъ это въ двухъ, трехъ словахъ и потомъ спрашивалъ; „Теперь вы знаете, каково было бы содержаніе разговора, находите ли вы полезнымъ имѣть такой разговоръ?“ Если вы сказали „нѣтъ“, онъ кланялся и уходилъ. (Современникъ 1863 г. Стр. 496 и 497).

Приложеніе № 6.

По поводу такого знакомства Н. Г. съ Костомаровымъ, а равно и съ высокопоставленными лицами г. Саратова: епископомъ Аѳанасіемъ и губернаторомъ Кожевниковымъ, приведемъ разсужденіе о знакомствахъ Рахметова.

Рахметовъ соблюдалъ „то же правило, какъ въ чтеніи: не тратить надъ второстепенными дѣлами и съ второстепенными людьми, заниматься только капитальными, отъ которыхъ уже и безъ него измѣняются второстепенныя дѣла и руководимые люди. Напримѣръ, внѣ своего круга онъ знакомился только съ людьми, имѣющими вліяніе на другихъ. Кто не былъ авторитетомъ для нѣсколькихъ другихъ людей, тотъ никакими способами не могъ даже войти въ разговоръ съ нимъ. Онъ говорилъ: „Вы меня извините, мнѣ некогда“ и отходилъ. Но точно также никакими средствами не могъ избѣжать знакомства съ нимъ тотъ, съ кѣмъ онъ хотѣлъ познакомиться. Онъ просто являлся къ вамъ и говорилъ, что ему нужно было, съ такимъ предисловіемъ: „Я хочу быть знакомъ съ вами; это нужно. Если вамъ теперь не время, назначьте другое“.

(Современникъ, 1863 г., № 4, стр. 494). 10 ноября 1891 г.

Сообщ. Александръ Лебедевъ.

